

гонических *Аристотелевых* начал. Цвета выступают как символы различных состояний, переживаемых философским камнем, воздействующим на металлы. Только из цветов — как, впрочем, и из иных символических рядов, осмысленных в алхимии (*камни, травы, земные животные, птицы, планеты, знаки Зодиака*) — можно выстроить весь алхимический космос, герметический околём, за которым — слышимый цвет и видимое *Слово*. Между тем цвет в алхимии — символ особого рода. В нем, как и в любом другом, схвачены все особенности символа вообще, алхимического символа в частности.

Но помимо этого цвет как символ совпадает с реальными цветовыми превращениями химического порядка, с превращениями, которые можно вызывать, которыми можно управлять и которые можно наблюдать. Поэтому алхимический цвет — прежде всего физическая реальность, признак химического соединения, потенциально и актуально могущего стать химическим соединением. Алхимический цвет в строгом смысле — еще не символ, а только свойство, специфический признак вещи, рукотворно этой вещи присвоенный (если, конечно, эта вещь изготовлена руками алхимика). Рукотворно, но и чудодейственно. Цвет как физическая реальность тут же начинает обретать священнодейственный метафизический смысл. Сначала — через священные перипетии философского камня: *смерть, воскрешение, брак, соитие, зачатие, рождение*. Следующий шаг — это объективация признака вещи, становящегося эквивалентным самой вещи. Цвет становится объектом. К цвету подбираются — изобретаются — символические подобия. Но прежде сам цвет как атрибут процесса раздваивается, удваиваясь: *черный — чернота, белый — белизна, красный — краснота*. Признак живет жизнью вещи, обретающей священство в своих символических, тоже теперь уже реальных копиях, когда оригинал не отличим от копии; тем более, что о настоящем оригинале — металлах, их *трансмутациях*, ртутно-серном медиаторе — киновари, как будто и вовсе позабыли. *Черный* живет жизнью, вернее, смертью *ворона*, *белый* — жизнью *саламандры, лилии, или белой невесты*, *красный* — новой, только что начатой жизнью *дитяти, увенчанного царским пурпуром*.

Таким образом, если медиатор-философский камень посредничает между несовершенным и совершенным в технохимических действиях адепта-демурга, то цвет — посредник между земным и небесным рядами; он и символ, и реальность купно, вещно-понятийная конструкция одновременно, сенсуально-рациональный конструкт сразу, средоточие химического действия и герметического священнодействия. Аудио-визуальный кентавр. Цветомузыка. Алхимическая физика и алхимическая же метафизика, запечатленная в цвете — символе, цвете — слове, цвете — вещи, цвете — признаке вещи. Но цвет в алхимии — это изобретение ее адептов, еретический дилетантский акт единения *Земли* и *Неба*, как бы упраздняющий основной философский конфликт официального средневековья между номиналистическими и реалистическими умозрениями — слухом и зрением. Только цвет, понятый как символ, способен выявить